

УДК 81'362

ББК 81.02

Н 90

Нурутдинова Э.А.

Старший преподаватель кафедры филологического образования Дагестанского института повышения квалификации педагогических кадров, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Дагестанского государственного университета, e-mail: coyote8207@yandex.ru

**О способах выражения таксисных отношений в лезгинском,
русском и английском языках**
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются различия в способах передачи и оформления таксисных отношений в современном русском, английском и лезгинском языках, делается попытка определения причин подобных расхождений в отношении к передаче действия в указанных языках. Установлено, что основные причины обсуждаемого различия между этими языками заключаются в грамматических характеристиках конвербов (деепричастий, причастий, герундия и морфологических форм собственно таксиса) этих языков.

Ключевые слова:

Категория таксиса, таксисные отношения, совершенный вид, несовершенный вид, конвербы.

Nurutdinova E.A.

Senior Lecturer of Literary Education Department, Daghestan Institute of Teachers' Advanced Training, Competitor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Daghestan State University, e-mail: coyote8207@yandex.ru

**On ways of expressing taxis relations in the Lezghin,
Russian and English languages**

Abstract:

This paper discusses the differences in ways of transfer and description of taxis relations in modern Lezghin, Russian and English languages. An attempt is undertaken to define reasons of such differences in action transfer in these languages. The results of the research - some of them are presented in this paper - can be of both theoretical and practical interest for the typology of grammatical categories in the above-mentioned and other Daghestani languages.

Keywords:

Category of taxis, taxis relations, perfective aspect, imperfective aspect, converbs.

Известно, что категория таксиса морфологических форм модели таксиса, в дагестанских языках структурируется определяемой как нефинитная в [1: 271- таксисными конвербами, грамматические 273]. Считается, что в нефинитной моде- свойства которых отличаются от ли специализированные формы таксиса

не выражают граммем абсолютного времени. К такой модели относят и таксис лезгинского языка. Однако нефинитные конвербы здесь образуются и от финитных форм, которые содержат граммемы времени и модальности. Представляется, что в рамках нефинитной модели таксис лезгинского языка может быть выделен в отдельный тип.

Вообще, единство парадигмы таксисных конвербов в дагестанских языках служит аргументом в пользу трактовки содержания таксиса как совокупности семантических признаков – одновременности, разновременности и обусловленности, инвариантным для которых является признак *сопряжённости* компонентов в полипредикативном комплексе. Семантическое единство временных отношений и отношений обусловленности подтверждается случаями изоморфизма в их репрезентации и при морфологическом, и при синтаксическом выражении таксиса.

Например, лезгинский конверб временной зависимости на *-ла* широко используется для обозначения условия. Аналогично ведёт себя и русский союз *когда*: *Когда б имел я златые горы и реки, полные вина, все отдал бы за ласки, взоры, чтоб ты владела мной одна* (фолькл.), – здесь *когда* равнозначно *если*. Ср.: лезг. *Вуж хьуй ама лагьайди, вун дахьайла* (Е.Э.) - Кто же это сказал, если не ты; англ. *How can he buy it when he has no money?* - ‘Как он может это купить, когда у него нет денег?’. Следовательно, отношения «условие – следствие» семантически схожи с отношениями «предшествование – следование».

Алломорфность системы придаточных конструкций русского языка в парадигме форм морфологической категории таксиса лезгинского языка даёт основание трактовать конструктивную основу придаточных предложений как средство оформления отношений зависимого таксиса. Финитная

глагольная форма в составе придаточного предложения не может интерпретироваться изолированно от конструкции как форма независимого таксиса только потому, что она финитная. В отрыве от конструкции она таксиса не выражает – ни зависимого, ни независимого [2: 153]. Аналогично тому, как морфологические единицы таксиса могут производиться в дагестанских языках от финитных видо-временных форм присоединением аффикса таксисного значения, придаточные предложения в русском языке формируются присоединением к финитному глаголу союзов и других элементов конструктивной основы. Зависимый характер придаточной конструкции заключается в самой её *придаточности*.

В дагестанских языках категории относительного времени и таксиса выражаются самостоятельными морфологическими средствами, что даёт возможность их предметного разграничения на эмпирическом материале. Для выражения таксисных отношений формам относительного времени английского языка требуется соответствующая конструкция высказывания. Формы относительного времени являются финитными формами и в общем случае выступают в функциях независимого предиката. Следовательно, формы относительного времени вряд ли можно интерпретировать как морфологические единицы, специально предназначенные для выражения таксисных отношений.

В лезгинском языке таксисные отношения проявляют явную детерминированность пространственными отношениями, что проявляется и в параллелизме их формальных показателей, то есть таксис детерминирован пространственными значениями непосредственно. В то же время не наблюдается каких-либо эмпирических оснований для семантической увязки граммем вида, времени и таксиса между собой, хотя на лексическом уровне (служебных слов) параллель меж-

ду пространственными и временными значениями наблюдается. Например, лезг.: *Валай вилик / кьулухь* ‘До / после тебя’, ср. К1валин *вилик / кьулухь* ‘перед / за домом’. Однако сами эти послелогои являются транспозитами форм локативных падежей имён с прозрачной мотивировкой: *вили-к* ‘перед глазами’, *кьулу-хь* ‘за спиной’, – в которых пространственная семантика выражается локативными аффиксами.

Таксисные конвербы дагестанских языков могут образоваться от финитных временных форм, то есть содержать собственные темпоральные показатели. Ср. в лезг.: *Марф кьванвайвили* (// *кьвазвайвили*), *чун к1вале акьвазна* - Из-за того, что **прошёл** (// **шёл**) дождь, мы **остались** дома’ (морфемный состав зависимых предикатов: *кьвана* (аор.) > *кьван(а)-ва* (перф.) > *кьванва-й* (плюсквамперф.) > *кьванвай-вили* ‘(дождь) **прошёл-было-из-за-того**’; *кьваз-ва* (през.) > *кьвазва-й* (имперф.) > *кьвазвай-вили* ‘**шёл-было-из-за-того**’).

Русские деепричастия выражают ограниченный круг таксисных отношений. Они способны выражать лишь значения однореферентного зависимого таксиса. Однако сложноподчинённые предложения русского языка способны выражать как однореферентный, так и разнореферентный или безразличнореферентный зависимый таксис. Они и являются специализированным средством выражения зависимого таксиса в русском языке [2: 154].

Сравнение форм выражения таксисных отношений в русском и дагестанских языках показывает, что системы таксисных конвербов дагестанских языков и придаточных предложений русского языка являются алломорфными способами языковой концептуализации универсальных семантических признаков. Соотношение морфологии и синтаксиса в их оформлении в этих языках асимметрично: в русском отсут-

ствует система таксисных конвербов, и соответствующие функции выполняют придаточные предложения, а в дагестанских языках отсутствует аналогичная система придаточных предложений, и эту лауну восполняют конвербы, выражающие все разновидности таксисных отношений, передаваемых русскими придаточными предложениями. Последние подразделяются на значения причины, цели, условия, уступки и др.

В дагестанских языках имеются специальные глагольные формы и для выражения соотношений между действиями, и для соотнесения действия с моментом его наблюдения, не совпадающим с моментом речи. В лезгинском языке эти формы образуются при помощи аффикса *-й*, который соотносит предикативный признак с несовпадающей с моментом речи точкой отчета: *Адаз са кагъаз зани кхьена-й* ‘Ему одно письмо и я писал (тогда, прежде)’. В дагестанских языках с классным спряжением в этой позиции будет показатель, указывающий на грамматический класс определяемого. Аффикс *-й* образует формы типа *Past Aorist* (соотв. и *Past Perfect*, *Past Continuative Perfect* и др.). Точка отсчёта может конкретизироваться лексически-ми средствами. Ср.: *Фейи афтеда адаз кагъаз зани кхьена-й - На той неделе* ему письмо я тоже **писал** (тогда)’. Аффикс *-й* в независимом предикате разделяет момент речи и момент наблюдения ситуации. Она описывается не относительно момента речи, а относительно некоторой точки отсчёта, отличной от него. Ср.: *атана* аор. ‘пришёл’ > *атана-й* ‘приходил’; *атанва* перф. ‘пришедши-есть’ > *атанва-й* ‘пришедши-был’ и т.п. Такие единицы для дагестанских языков можно определить как формы относительного времени. Вышеуказанное явление характерно и для отдельных конструкций топонимических единиц. Например: дарг. *ЖугьутI кавишб кьаттабил г1иницц* «Родник в ущелье, где был убит еврей» [4: 73].

Русские деепричастия не имеют собственного временного значения. Они выражают только относительное время и не способны выражать абсолютное время: *Открывая/открыв ящик стола, он увидел...* Однако относительное время русских деепричастий (одновременность/предшествование/относительно) одновременно является и таксисом, потому что они не имеют своего времени и относятся к тому же временному плану, что и сказуемое.

Английский язык по параметру соотносительной референтной характеристики первых партиципантов ближе к дагестанским языкам. Все нефинитные глагольные формы в нём безразлично референтны. Ср.: *Coming along the street I sang* 'Идя по улице, я пел' и *When I coming along the street they sang* 'Когда я шёл по улице, они пели'.

В русском языке деепричастия несовершенного и совершенного вида являются средством выражения таксиса. В лезгинском языке имеются две группы форм, часто трактуемых как деепричастия, именно исходя из их таксисных функций. Одна группа – это формы специальной *морфологической категории таксиса*. Вторая группа – *аорист* и *деепричастие* (или *абсолютив, целевая форма*), которые не являются специальными формами таксиса, но традиционно идентифицируются с русскими деепричастиями, так как могут выступать в таксисных функциях. Таким образом, обсуждаемая единица трактуется, прежде всего, как временная форма индикатива.

Однако она же одновременно определяется и как *деепричастие образа действия* [4]. Б.Б. Талибов пишет об употреблении этой формы в значении деепричастия: *Ам ктаб къачуна фена* – 'Он, книгу **взяв, ушёл**' [2: 194]. Следует иметь в виду, что, переводя лезгинский аорист в препозиции к сказуемому деепричастием, мы тем самым переносим на него и семантическую структуру русского

деепричастия. Функция качественно-действенного определения главного сказуемого для формы аориста обусловлена контекстом, синтаксической позицией, лексическим значением. Это подтверждается, прежде всего, основной для этой единицы функцией – функцией независимого предиката. Например: *Ахна ада кумыкрин чуйлда ва Темир-Хан-Шура маршрутда накъвар ахтармишина* (Л.Г.) 'Затем он в кумыкской степи и на Темир-Хан-Шуринском маршруте **изучил** (// **изучал**) почвы'; *Чими йикъар алукъна, живер, муркIар яд хъана* (Т.Х.) – 'Тёплые дни **настали**, снега и льды **растаяли**'.

Таксисные отношения одновременности в английском языке образуют *прототипический таксис одновременности*, включающий собственно временные конструкции, предназначенные для обозначения таксисных отношений: *The boys stood on the bank throwing stones into the water* – 'Мальчики **стояли** на берегу, **бросая** камни в воду', – и *фонный таксис одновременности*, включающий причинные, условные, уступительные конструкции, в которых временные отношения присутствуют в качестве фоновых: *The rest of the afternoon the weather permitting, we played football* (Maugham) – 'Остаток вечера, благодаря тому, что погода **позволяла**, мы **играли** в футбол'.

В английском языке зависимое действие выражается герундием или причастием. Такие конструкции могут быть легко изменены в сложноподчиненные предложения с придаточными времени. Ср.: *While discharging the ship we found a new broken cases / While we were discharging the ship we found a new broken cases; When going home I met my brother / When I was going home I met my brother.*

В русском языке одним из основных средств передачи отграниченности разновременных действий друг от друга является совершенный вид с его

инвариантным семантическим признаком ограниченной пределом целостности действия. Совершенный вид позволяет маркировать прекращённость действий и при отсутствии в высказывании специальных лексических уточнителей временной разделённости действий типа *затем, потом, через некоторое время* и т.п. Действие, обозначенное совершенным видом, не делится на фазы (независимо от своей реальной длительности) и потому не может служить фоном, на котором может происходить другое действие: *Затем Михаил полез в карман свиты, выволок оттуда объёмистый кисет и протянул мне...* (Горький).

В лезгинском языке, в отличие от русского, при обозначении второстепенного предиката аористом изменение порядка слов недопустимо вообще, поскольку иногда только от порядка слов зависит, какой из предикатов воспринимается как зависимый. Ср.: *Кисна, ацукьна* 'Замолчал, сел' и *Ацукьна, кисна* 'Сев, замолчал'. При отсутствии интонации перечисления, отмеченной здесь запятой, эти фразы воспринимаются как 'Молча сидел' и 'Сидя помолчал'. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что аорист лезгинского глагола не является специализированной формой таксиса, как русское деепричастие совершенного вида.

В русских конструкциях с союзами *когда, после того (как)* нет указания на наличие или отсутствие временного интервала между ситуациями придаточного и главного предложений. Информацию о самом наличии такого интервала и его длительности могут конкретизировать лексические средства типа *тотчас, вскоре, через полчаса* и т.п. В лезгинском языке интервал также может конкретизироваться лексическими средствами. Но, кроме этого, в лезгинском языке имеются ещё и специальные морфологические таксисные формы со значением минимальности интервала между соотнесёнными ситуациями. Ср.:

Вскоре после того, как часы пробили полночь, послышались торопливые шаги (Чехов) - лезг. *Сятдин цликъведар хъайила къулухъ са арадлай рак гатана.*

Наиболее широко используемым средством выражения таксисных значений в английском языке является причастие настоящего времени, а зависимое действие, наряду с герундием и причастиями, выражается и придаточными предложениями. Ср.: *Having collected all the material, he wrote a full report on the work of the commission* // *After collecting all the material, he wrote a full report on the work of the commission* // *After he had collected all the material, he wrote a full report on the work of the commission*; *Having been dried and sorted the goods were placed in the warehouse* // *After the goods had been dried and sorted they were placed in the warehouse.*

Таким образом, можно обозначить основные причины обсуждаемого различия между этими языками, которые заключаются, на наш взгляд, в грамматических характеристиках конвербов (деепричастий, причастий, герундия и морфологических форм собственно таксиса) этих языков:

- 1) русские конвербы однореферентны, что накладывает ограничение на возможности выражения ими разнореферентного таксиса; конвербы английского и дагестанских языков нейтральны к признаку референтной отнесённости;
- 2) в русских деепричастиях и причастиях морфологически маркированы категориальные значения классов слов обстоятельственной и определительной семантики, что также ограничивает их функции; конвербы английского языка морфологически не маркированы такой семантикой;
- 3) конвербы лезгинского языка содержат морфологические показатели собственно таксисных отношений, чего нет в конвербах как русского, так и английского языков.

Примечания:

1. Плуныян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Наука, 2000. 215 с.
2. Талибов Б.Б. Еще раз о глагольном управлении лезгинского языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1986. Т. 13. С. 192-197.
3. Багомедов М.Р. Функционирование гидронимов в топонимической системе Дарга // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 2. (99). С. 172-176.
4. Шигуров В.В. Два вектора развития русского причастия в контексте предикативации и/или адъективации: семантика и грамматика // Научное обозрение. Гуманитарные исследования. 2012. № 3. С. 152-158.

References:

1. Plungyan V.A. General morphology: introduction to problems. M.: Nauka, 2000. 215 pp.
2. Talibov B.B. One more time about verbal government of the Lezghin language // A yearbook of the Ibero-Caucasian linguistics. 1986. V. 13. P. 192-197.
3. Bagomedov M.R. Functioning of hydronyms in the Darga toponymic system // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2012. Iss. 2. (99). P. 172-176.
4. Shigurov V.V. Two vectors of development of the Russian participle in the context of predicativization and/or adjectivization: semantics and grammar // Scientific review. Humanitarian studies. 2012. No. 3. P. 152-158.